

Брандеса, поздній успѣхъ Бальзака зависѣлъ именно отъ того, что въ поэтѣ привыкли видѣть духовнаго вождя — а Бальзакъ, будучи только поэтомъ, не шель рука объ руку съ вѣкомъ, не возвышался до уровня политическихъ и философскихъ задачъ его. Это не значить, конечно, чтобы Мюссе уступалъ Гюго, чтобы Бальзакъ уступалъ Ж. Занду. Если Мюссе и Бальзакъ не играли, при жизни, такой господствующей роли, какая досталась ихъ соперникамъ, если они до сихъ поръ больше дѣйствятся меньшинствомъ, чѣмъ массой, то это свидѣтельствуетъ только о разнохарактерности ихъ дарованій. Тенденціозность, въ высшемъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, облегчаегъ побѣду, дѣлаегъ ее болѣе блестящей и плодотворной, но не служить, сама по себѣ, залогомъ ея прочности. «Безформенное или не вполне оформленное — говорить Брандесъ — не переживаетъ вѣковъ»; еще правильнѣе было бы сказать, что прочность литературнаго произведенія обуславливается гармоніей между содержаніемъ и формой, значительностью мысли или предмета въ связи съ художественной ихъ обработкой.

Свободный отъ односторонности, Брандесъ не вполне свободенъ отъ пристрастія — пристрастія къ формальной красотѣ, къ изяществу отдѣлки. Отсюда его слабость къ Мериме и Теофилю Готье, особенно къ первому. «Мериме и Готье, — говорить онъ, — въ стилистическомъ отношеніи дополняютъ другъ друга. Контуры, строгая линія — это царство Мериме; сила Готье заключается въ яркости красокъ». Восхищаясь образностью, пышностью языка, свойственнаго Готье, предсказывая безсмертіе лучшимъ его стихамъ, Брандесъ сознаетъ однако внутреннюю бѣдность, скрывающуюся подъ этимъ наружнымъ богатствомъ, сознаетъ опасность манеры, слишкомъ легко переходящей въ изысканность и быстро теряющей свою свѣжесть. Можно находить, что Брандесъ преувеличиваетъ заслуги Готье, но въ слѣпомъ увлеченіи колористомъ романтизма онъ во всякомъ случаѣ неповиненъ. Въ Мериме, на оборотъ, нашъ авторъ почти не видитъ недостатковъ. Онъ отводитъ ему больше мѣста, чѣмъ Бальзаку, изучаетъ его со всѣхъ сторонъ, какъ одну изъ самыхъ крупныхъ фигуръ нашего вѣка. «Для сорокалѣтняго, тонко образованнаго, свѣтскаго француза, Мериме — первый между французскими прозаиками... Это художникъ съ головы до ногъ; художественное мастерство — основаніе его величія, источникъ превосходства его передъ Бейлемъ ¹⁾».

¹⁾ Брандесъ начинаетъ характеристику Мериме параллелью между нимъ и Бейлемъ, съ которымъ у него было много общаго и вліянію котораго онъ былъ многимъ обязанъ.